

Ресторан Цзяхуа.

Четырехэтажное здание уже предстало перед глазами. Пурпурно-красная краска ярко сияла на солнце, а позолоченная вывеска сверкала золотом в этом море красного цвета. Хотя ресторан Цзяхуа не был самым большим в императорской столице, по своей роскоши он ничуть не уступал павильону Цзючуань Цзиньсю. У входа были развешаны разнообразные фонари: когда вечером загорались огни, вся улица наполнялась гуляющими людьми, становясь оживленной и шумной.

Шэнь Цинцин пришла в ресторан с четкой целью — найти Линь Ханьшуан. Она обратилась к Системе 777, чтобы узнать номер ее отдельного кабинета. Но стоило подойти к дверям, как она услышала чтение стихов. И эти строки были ей до боли знакомы.

— Весенняя река, цветы, луна и ночь, — доносился голос.

Это было произведение Чжан Жосюя, которое многие называли шедевром, затмевающим всю поэзию эпохи Тан. Очевидно, что прочесть эти строки здесь могла только другая попаданка. Линь Ханьшуан декламировала стихи жеманным, притворным голосом.

Шэнь Цинцин стояла у дверей и дослушала до конца, удивляясь лишь одному: почему Линь Ханьшуан прочла только первые восемь строф? Впереди ведь было еще десять. Видимо, забыла. Линь Ханьшуан беззастенчиво присвоила себе творение великого поэта, выдавая его за свое в этом чужом мире.

Как только она закончила, присутствующие знатные девицы были потрясены. Они замерли, погруженные в атмосферу стиха. Линь Ханьшуан осталась довольна их реакцией, ее тщеславие было полностью удовлетворено. Казалось, она даже поверила, что эти строки и правда родились в ее голове, и теперь буквально парила от восторга.

Линь Ханьшуан была одета в бледно-розовое платье, поверх которого накинула белую газовую накидку, открывавшую изящную шею и ключицы. Подол, подобно лунному свету, струился по полу, и каждый ее шаг был полон грации. Длинные черные волосы, перехваченные лентой, украшала заколка в виде бабочки. Легкий макияж лишь подчеркивал ее красоту, а румянец на щеках придавал образу трогательную невинность.

Знатные девицы прекрасно понимали, что их позвали на этот поэтический вечер лишь для массовки, чтобы лишний раз подчеркнуть талант Линь Ханьшуан. Они были лишь фоном для этого яркого цветка. Но приходилось признать: стихи Линь Ханьшуан по глубине мысли и настроению были им недостижимы.

Спустя мгновение кто-то пришел в себя и начал осыпать Линь Ханьшуан восторженными похвалами. Та же, принимая комплименты, лишь скромно и манерно ответила:

— Вы слишком добры. Это лишь стихотворение, написанное под влиянием момента.

Шэнь Цинцин, стоявшая за дверью, нашла это донельзя смешным. Как можно быть настолько бесстыдной? Она больше не собиралась оставаться в тени и, ступая словно по цветкам лотоса, вошла в кабинет.

Шэнь Цинцин была в красном платье, тянущемся за ней по полу, ее иссиня-черные волосы ниспадали на плечи, словно водопад. В ее глазах мерцал блеск, а кожа была нежной, как топленое масло. Она была воплощением очарования — не больше и не меньше, чем нужно. Ее красота была естественной, не требующей украшений, словно она была не от мира сего.

Окинув взглядом присутствующих девиц, она перевела взор на Линь Ханьшуан, и в ее глазах читался холод. Никто из присутствующих не произнес ни слова, лишь молча гадая, кто же это такая. Однако некоторые уже узнали Му Цинцин. Хотя она не так давно вернулась в столицу и не посещала светские приемы, ее происхождение было слишком знатным, чтобы остаться незамеченной. Родители многих из этих девушек собирали портреты отпрысков великих домов, чтобы их дети знали, с кем нельзя ссориться. И Му Цинцин была в числе тех, кого стоило опасаться больше всего.

В столице все знали, как сильно в семье Му обожают свою дочь. Она была их зеницей ока: задеть ее значило навлечь гнев на весь род Му. А они славились тем, что всегда выгораживали своих, не разбираясь, кто прав, а кто виноват. Девиц с детства наставляли обходить стороной старшую госпожу Му. Встретить ее здесь было полной неожиданностью. К тому же, указ императрицы о ее назначении уже был оглашен — все знали, что она станет будущей государыней, оставалось лишь дожидаться благоприятной даты для церемонии.

— Я проходила мимо и услышала чьи-то стихи. Решила войти без приглашения, надеюсь, не помешала? — произнесла Шэнь Цинцин.

Хотя это был вопрос, в ее тоне не было ни капли раскаяния. Смысл был прост: помешала я или нет, я уже здесь.

В кабинете воцарилась тишина. Линь Ханьшуан была раздражена, но, поскольку она всегда поддерживала образ доброй и кроткой девушки, она сдержалась.

— Гость есть гость. Могу ли я узнать имя госпожи? — вежливо спросила она.

— Му Цинцин, — отрезала Шэнь Цинцин, не желая продолжать светскую беседу с этой притворщицей.

Услышав это имя, Линь Ханьшуан пришла в ярость. Значит, именно эта девица украла ее место императрицы! В глубине души она уже давно считала трон своим. Невероятно, откуда в ней столько бесстыдного самолюбования? Если бы Шэнь Цинцин знала, о чем думает Линь Ханьшуан, она бы обязательно процитировала классику двадцать первого века:

— С тобой всё в порядке?

Мания величия — болезнь неизлечимая.

<http://bllate.org/book/21590/2225370>